

ИЛЬЯ КИРИЛЛОВ

УСПЕНИЕ

ПРОВОДЫ

Городок в три квартала, по торбе на каждом горбу,
чем-то с путником схож, натрудившим в скитаниях ноги,
что, в село на закате войдя, постучался в избу
и стоит на пороге...

И осенней листвы набивается полный карман,
и ложится туман от реки до ближайшей заставы...
Отбывает состав. Приближаются дни ледостава.
Ты глядишь на часы. Я листаю затёртый роман.

Здесь костры полыхают, здесь пригород охрист и ал.
Возникая вдали, станционный гудок-пересмешник,
как беспамятства сон, настигает и бьёт наповал,
и последний обходчик здесь ладит последний скворечник.
Здесь босяк-сухоей по окраинам пегим бежит
и, срывая бельё, за околицу волоком тащит.
Здесь, врезаясь нахрапом в соломенные рубежи,
полуночный экспресс воспалённые бельма тарашит.

Захолустьем зовутся тот выезд и эта гряда
городских тополей, отороченных ряской заката...

КИРИЛЛОВ Илья Николаевич родился в 1981 году в Оренбурге, окончил Оренбургский педуниверситет. Публиковался в местной периодике, в журнале "Москва", в антологии Оренбургского областного литературного объединения имени В. И. Даля "Внуки вещего Бояна" и др. Лауреат Всероссийской Пушкинской премии "Капитанская дочка" во второй номинации (1999), премии альманаха "Гостинный двор" для молодых поэтов "Чаша бытия" (2013). Живёт в Оренбурге.

Не прощайся, не смей! — нам одна и звезда, и беда
в этих парках пустых, нас с тобой приютивших когда-то.
Не прощайся, не лги! Нам от рода на тёмном роду
чьей-то волей дурной предначертано стать у дороги,
на исходе времён задыхаясь в тоске и бреду
и встречая в лицо похоронные чёрные дроги.

Не стремленьем твоим, но свинцовым томленьем моим
обретает округа подобие лика и взора.
Лишь ступи за порог — и на веки опустится дым,
и качнётся у ног крестовидная тень семафора.
Что там зреет в тумане? Что тлеет? Дорожной сумой
сиротливое сердце под ношей своей тяжелеет
и, лелея обиду, свой ход оборвать не умеет,
и немеют уста, что разомкнуты страстью самой...

Как репей на пути, обречённый принять без остатка
всё, что гневный чугунок выговаривает по слогам,
я стою на перроне. Один. Объявляют посадку.
Затопив окоём, подбирается полночь к ногам.
Так гляди же, сверчок, приживальщик, нахлебник, иуда,
как темнеет ограды узор остывающий и
за вагоном вагон исчезает во мраке, покуда
жизнь теряет разбег и ложится на плечи твои.

Август 2008

КНЯЗЬ ГЛЕБ

*Не ходи, брат! Отец твой
умер, а брат твой убит...
“Сказание о Борисе и Глебе”*

...У того оврага ветер травы косит,
сух простор бесхозный и бездомен путь.
Здесь никто не встретит, ни о чём не спросит,
только стрепет крикнет и не даст уснуть.

Что им сердце, что им
пламенный осколок,
у престола мира незрелый плод!
Каково вам слушать ночи напролёт
ветер от Смядины?..
Тёмен лог и долог.
Чуть мерцают звёзды сквозь туманный полог.
Сладко ль спится, княже, меж гнилых колод?..

И рассвет по-лисьи проступает в небе.
— Горе мне, Борисе!
— Горе, горе, Глебе!
К Муромской заставе поспешает вестник.
— Горе, Ярослав!

— Горе, горе, крестник!
Направляясь к месту, натяни поводья:
днесь твои убийцы режут сыр и хлеб.
И, необозримый, точно половодье,
зной в степи осенней вырос и окреп.

Задержись, помедли на речном пороге:
днесь крамола рыщет, из родимых мест
пламень погребальный в раскалённом роге,
как дурное семя, разнося окрест.

Сгинь же, затеряйся в гибельных просторах.
Клевер да гречиха твой укроют путь.

Стрепетиных крыльев неотвязный шорох
мне ночами, брат мой, не даёт уснуть.

УСПЕНИЕ

Скорой осенью веет.
Деревенский народ
на Успенье говеет,
лишку в рот не берёт.
Проку пить, если вялый,
неустроенный вид
не язвит, как бывало,
но, как прежде, трезвит?

Сквозь сады-огороды
выйди в голую степь,
где ветра-нищоброды
рады в дудку свистеть,
где и дуб не напрасно,
если днесь не зачах,
подымает пространство
на могучих плечах.

Вновь полны буераки
лебедою на треть,
что дрожит в полумраке
так, что больно смотреть.
Приглядишься и послушай:
как дымок по золе,
бродят тёмные души
по вечерней земле.

Им позволено было
за последней чертой
бурый цвет чернобыла
заплетать с чередой;
города и деревни
обходя стороной,
слушать ветер над древней,
над осенней страной.

Дай же, сердце, взглядеться,
перед тем как уйти,
в край, где резвое детство
воду пьёт из горсти,
где нечаянный вечер
беспечален и мглист
и для памяти вечен
каждый сброшенный лист.

О, куда же нам деться,
если крылья простёр
этот вяжущий сердце
горемычный простор,
этот тракт нелюдимый
так разумно молчит,
этот воздух сладимый
так полынью горчит!

ИЗ “ГРОЗНЕНСКОЙ ТЕТРАДИ”

Так, должно быть, едут на войну:
сеет дождь, и лязгают колёса,
тяжкий гул чугунного колосса
над рябой и чёрной гладью плёса
гонит эха встречную волну.

В заливных лугах, как в старину,
ряд за рядом клонятся колосья.
Как со дна глубокого колодца,
из окна зрираешь на страну.

...Я, должно быть, чувствую вину,
я, должно быть, с совестью в раздоре,
раз на жёлтом глиняном просторе
сеет дождь, куда я ни взгляну.

Нам скорбеть, должно быть, не с руки —
все падём: вы — в том, мы — в этом веке,
но неволью вдрагивают веки,
лишь повеет холодом с реки.

Нам ведь тоже боязно в окно
бросить взгляд и выглянуть наружу:
чёрным дымом мир заволокло,
рвётся дней льняное волокно.
Нас ведь тоже призовут к оружию
и мобилизуют на войну...

Я, должно быть, чувствую вину.
Я, должно быть, чувствую вину...

* * *

Сжигают листву по предместьям;
натянут канатом витым,
каким-то неясным предвестьем
возносится к облаку дым.

Ваш ровня по слову и делу,
по взору и духу — родня,
в родные до дрожи пределы
вступаю, как в область огня.

Объятый мучительным жаром,
минуя ряды бочагов,
как по пламенеющим мшарам,
вдоль зыбких иду берегов.

Не глину в печах обжигают,
не жгуче цветёт сухоцвет —
то, Родина, путник шагает
на твой очистительный свет.

И Родина всеми тылами
тому, кто охвачен в кольцо,
сквозь пепел и жёлтое пламя
вдруг пристально смотрит в лицо.

— Скитаясь по чуждым пределам
в сиянии чуждого дня,
о, сыне мой, словом ли, делом
ты не отступил от меня?

— Встречавшимся разным пройдохам
о разном далёком трубя,
о матерь, ни взором, ни вздохом
я не отступил от тебя!

И вновь на разбитой дороге,
подобный приبلудному псу,
свои вековые ожоги,
как знак благородства, несую.